

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистика XXI в. затрагивает уже не только вопросы функционирования языка и речи, но и используется в качестве необходимого прикладного инструмента в совершенно иных областях. В условиях современного социума лингвистический аспект становится актуален для решения и юридических практических задач. Наша монография раскрывает проблемы, возникающие на пересечении языковых и правовых факторов бытования человека в современном мире.

Первая глава «Зарубежная юридическая лингвистика: становление и проблематика» написана Э.В. Будаевым, доктором филологических наук, автором многочисленных публикаций на тему политической лингвистики.

Основная задача настоящей главы состоит в ознакомлении читателей с историей возникновения, идеями, методами и ведущими направлениями зарубежной юридической лингвистики — относительно новой, активно развивающейся науки, которая занимается изучением использования эвристик лингвистики в решении проблем, возникающих в области юриспруденции.

Зарубежная юридическая лингвистика прошла полувековой путь развития, на котором были как ошибки и тупиковые направления (например, преувеличение значения аудиального опознания или ложные идеи об «отпечатках голоса»), так и значимые находки и достижения, приводившие к раскрытию громких преступлений.

В России лингвистическая экспертиза зарождалась и развивалась в тесной взаимосвязи языка, права и политики, что обусловило не только собственный вектор развития, но и иное методологическое наполнение. Автор следующей главы «Взаимодействие языка, права и политики: методология и методы отечественной юрислингвистики», доктор филологических наук Н.Б. Руженцева представляет иной ракурс реализации юридической лингвистики.

Предметом данного раздела монографии является язык, функционирующий в политико-правовом пространстве. В свою очередь, задачей данного раздела монографии является обзор методико-методологической базы исследования текстов, отражающих взаимодействие трех предметных областей — языка, права и политики. В качестве отправной точки для описания методико-методологической базы мы использовали принцип структурирования исследовательского материала по направлениям анализа, который широко используется как в политической, так и в юридической лингвистике. Со своей стороны, внутри каждого направления мы сделали попытку охарактеризовать релевантные для него методы и методики.

Таким образом, тексты, отражающие взаимодействие политики и права, исследуются в настоящее время по целому ряду направлений. Эти направления включают исследования в областях государственного языка, межкультурной коммуникации и перевода, лексикографии, истории, терминологии, жанрово-стилистической, прагматико-риторической и нормативной специфики текстов, а также комплексные исследования в области лингвоконфликтологии и лингвистической экспертизы. Наиболее активно развиваются два последних направления, в рамках которых используется целый ряд методов и методик исследований конфликтных (спорных) произведений речи (политических и экстремистских текстов). Активно развивается в настоящее время и психолингвистическое направление, о котором пойдет речь в следующих разделах данной монографии.

Завершающая глава «Методология, методы и методики анализа креолизованного текста» представлена кандидатом филологических наук М.Б. Ворошиловой.

На примере реальных уголовных и административных дел показана сущность методов лингвистических экспертиз креолизованного текста, который в XXI в. стал неотъемлемой частью современной коммуникации. Особое внимание автор уделяет типам и жанрам экстремистского текста, так как в последнее время мы видим возросший интерес молодежи к политическим и

социальными проблемами нашей страны. Эти главы содержат описание репертуара методов и методик, применяемых для исследования сообщений, включающих главным образом два семиотических ряда — вербальный и визуальный. В свою очередь, в разделе «Фоносемантический анализ как инструмент экспертизы креолизованного текста» автором предлагается оригинальная методика исследования акустического ряда, элементы которой представлены и в других разделах главы.

ГЛАВА 1

ЗАРУБЕЖНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: СТАНОВЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМАТИКА

---

1. ГЕНЕЗИС ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Всякое научное направление формируется в течение определенного периода времени, и однозначно определить момент его возникновения едва ли возможно. Однако известно, когда возник сам термин. Словосочетание *Forensic Linguistics* было впервые использовано профессором Яном Свартвиком в 1968 г. в книге «*The Evans statements: A case for forensic linguistics*» [Svartvik 1968] в контексте лингвистического анализа показаний Тимоти Эванса. В 1949 г. семья Тимоти Эванса (беременная жена и маленькая дочь) были убиты в их квартире. Самого Т. Эванса арестовали и приговорили к смертной казни. Через несколько лет после казни было доказано, что казненный не только не совершал этих убийств, но и верно называл имя убийцы в ходе судебного заседания. Этот случай — одна из самых известных судебных ошибок в истории, которая была тесно связана с проблемой определения достоверности судебных показаний.

Исследования в области лингвистического анализа юридической речи проводились и до появления термина *forensic linguistics*. Среди ранних работ в данной области можно отметить монографию Дэвида Меллинкоффа “*The Language of the Law*” [Mellinkoff 1963], в которой американский исследователь, имевший большой опыт участия в судебных заседаниях, предложил новый взгляд на язык права, призывая совмещать пресловутую «точность» юридического языка со здравым смыслом и норма-

ми естественной речи. Эта работа носила общелингвистический характер. Если же применять к рассматриваемому научному направлению структуру внутренней лингвистики, то следует отметить, что отдельные направления юридической лингвистики, например судебная фонетика и атрибуция текстов, развивались независимо друг от друга и только потом были объединены под зонтичным термином *forensic linguistics*. Зарубежная юридическая лингвистика первоначально формировалась как судебная лингвистика, поэтому термин *forensic linguistics* обычно переводится на русский язык в зависимости от контекста как «лингвистическая экспертиза» или как «судебная лингвистика». Если же имеется в виду более широкий контекст, то в русском языке используются словосочетания «юридическая лингвистика» или «правовая лингвистика», которые ближе английскому понятию *legal linguistics* или словосочетанию *language and law*, охватывающему широкий круг проблем взаимодействия языка и права.

Централами становления юридической лингвистики были страны англосаксонского права (в первую очередь США и Великобритания).

Импульсом для развития юридической лингвистики в Великобритании стали проблемы, возникающие в ходе допроса свидетелей. В Соединенном Королевстве долгое время использовались так называемые “*Judges’ Rules*” — правила допроса свидетелей и получения показаний. Согласно этим правилам подозреваемые диктовали показания полицейским, которые должны были их записывать не перебивая. Допускались только уточняющие вопросы. На практике эти правила никогда не соблюдались. Полицейские задавали вопросы и записывали показания не совсем так, как говорили допрашиваемые, а в так называемом «полицейском регистре» (*police register*). Авторы этих правил, видимо, не осознавали, что записывать устные показания без обработки — непростая задача. У полицейских выработались свои правила записи и корректировки показаний, которые использовались в том числе и для злоупотреблений. В связи

с этим постоянно возникали вопросы об аутентичности показаний, что в конечном счете привело к привлечению профессиональных лингвистов к разрешению правовых проблем.

В США юридическая лингвистика формировалась немного иначе, хотя стимулом тоже послужили проблемы, связанные с процессом допроса. В 1963 г. некий Э. Миранда был осужден за совершение вооруженного ограбления. Впоследствии обвиняемый заявил, что не понял, что у него было право хранить молчание и право на адвоката во время допроса. В 1966 г. апелляционный суд пересмотрел его дело и отменил обвинительный приговор. После этого полицейских обязали сообщать задержанным о праве хранить молчание, праве на адвоката и о том, что все сказанное может быть впоследствии использовано против подозреваемых.

Однако применение данного правила породило новые вопросы. Профессор Роджер Шуи [Shuy 1997], которого считают одним из основателей юридической лингвистики в США, отмечает особенность новых правил: они подразумевали, что признание должно быть добровольным, допрос не должен быть принудительным, а задержанных необходимо спрашивать, понимают ли они свои права. Вместе с тем видеозаписи допросов свидетельствовали о том, что зачитывание прав не означает понимания этих прав задержанными. Работы Р. Шуи и других американских исследователей о «проблеме Миранды» послужили отправной точкой для тесного переплетения юриспруденции и лингвистики в США.

В дальнейшем проблемное поле юридической лингвистики расширилось до современного его понимания, но одновременно детализировались отдельные области научных изысканий. Так, Р. Шуи, опираясь на большой опыт участия в судебных заседаниях, выпустил серию монографий, каждая из которых посвящена судебным дискурсам, связанным с разбирательством конкретных видов преступлений: клеветы [Shuy 2010], лжесвидетельства [Shuy 2011], сексуальных преступлений [Shuy 2012], взяточничества [Shuy 2013], убийства [Shuy 2014].

Второй предпосылкой для пересечения двух научных направлений в США послужили судебные разбирательства по поводу торговых марок. Показательный пример — иск владельцев мультинациональной сети быстрого питания *McDonalds* к компании *Quality Inns International*, анонсировавшей открытие сети гостиниц экономкласса под названием *McSleep* [Levi, 1994: 5]. В данном случае речь шла не о слове или словосочетании, а о морфологическом принципе присоединения морфемы *Mc* к общеупотребительным существительным, не защищенным авторским правом.

Лингвисты Дж. Лентин и Р. Шуи, привлеченные к судебному разбирательству в качестве экспертов, показали, что префикс *Mc* использовался в коммерческих целях и ранее, и по этой причине у *McDonalds* нет исключительного права на этот принцип словообразования. Вместе с тем суд встал на сторону истца и не позволил открыть сеть мотелей под названием *McSleep*. Впоследствии Р. Шуи неоднократно привлекался к разбирательству подобных дел, подробно описанных им в монографии “*Linguistic Battles in Trademark Disputes*” («Лингвистические битвы в спорах о торговых марках») [Shuy 2002].

В Австралии юрислингвистика формируется в 1980-х годах XX в. как прикладное направление социолингвистики, призванное способствовать соблюдению прав подозреваемых. Отправной точкой послужили трудности, которые возникали во время допросов говорящих на английском языке австралийских аборигенов (*Australian Aboriginal English*) [Eades 1994; Gibbons 2003]. Белые полицейские исходили из предпосылки, что допрашиваемые говорят на том же самом языке, что и допрашивающие, что вело к неверному толкованию показаний. Дело в том, что английский язык австралийских аборигенов включает в себя несколько вариантов, сформировавшихся в различных частях континента. Каждый из этих вариантов имеет особенности в фонетике, грамматике, лексике и семантике. Совокупность этих вариантов представляет собой континуум переходных форм, занимающих промежуточное положение

между английским вариантом английского языка (так называемым «языком белых австралийцев» — “white English”) и языком криол (Kriol), который не является вариантом английского языка. Криол — креольский язык, который происходит от пиджина, сформировавшегося в Новом Южном Уэльсе в период ранней колонизации. К собственно языковым причинам недопонимания добавлялись межкультурные и прагматические факторы. В частности, неконфронтационный характер речевого поведения аборигенов должно трактовался полицейскими как признание вины.

Еще одним импульсом для пересечения лингвистики и юриспруденции в Австралии послужили исследования того, как аборигены, выступающие в роли свидетелей и обвиняемых, понимали судебный процесс, а также анализ межкультурных различий в осмыслении судебных феноменов аборигенами и белыми австралийцами [Walsh 1994]. В частности, было показано, что система допроса в ходе судебного заседания чужда культурным доминантам аборигенов, а их реакция на этот межкультурный конфликт трактуется не в культурологическом, а в правовом контексте [Gibbons 1994: 198]. Большой опыт работы в австралийских судах в качестве эксперта-лингвиста нашел отражение в книге Джона Гиббонса [Gibbons 2003].

Значительное развитие юридическая лингвистика получила в Германии. В ангlosаксонских странах данная научная дисциплина развивалась благодаря усилиям ученых-энтузиастов, которые иногда сотрудничали с органами правопорядка и судебными инстанциями, а иногда и выступали с экспертными заключениями, которых от них не требовали, что нередко приводило к игнорированию экспертных мнений лингвистов. Немецкие ученые изначально работали в тесном взаимодействии с органами правопорядка, что позволило немецкой школе юридической лингвистики, возникшей позже, чем в ангlosаксонских странах, избежать ошибок становления, с которыми столкнулась эта область научных интересов в США и Великобритании. Именно федеральное ведомство уголовной полиции Германии

организовало первую конференцию по юридической лингвистике в 1988 г.

Первая британская конференция по юридической лингвистике состоялась в Бирмингемском университете в 1992 г., а год спустя была образована Международная ассоциация по юридической лингвистике. В 1994 г. начал выходить специализированный журнал “*Forensic Linguistics*”, посвященный вопросам судебной лингвистики, который в 2003 г. был переименован в “*International Journal of Speech, Language and the Law*”. Новое название отразило не только расширение географического ареала распространения данной научной дисциплины, но и расширение ее предмета.

На рубеже тысячелетий юридическая лингвистика проникает в сферу образования. В 1999 г. в Кардиффском университете в магистерскую программу был введен курс юридической лингвистики. В 2008 г. был открыт Центр юридической лингвистики в Астонском университете [Ariani et al. 2014]. В 2000-х годах выходят первые учебники и пособия по юридической лингвистике [Coulthard, Johnson 2007; Gibbons 2003; Olsson 2008; Shuy 2006].

От общего обзора генезиса юридической лингвистики перейдем к рассмотрению основных проблемных вопросов, решение которых и инициировало возникновение и оформление данного направления в зарубежной науке.

2. СУДЕБНАЯ ФОНЕТИКА

Не будет преувеличением сказать, что важнейшим импульсом для становления зарубежной юридической лингвистики послужили проблемы судебной фонетики как в хронологическом аспекте, так и в аспекте места, которое фонетические исследования занимали и занимают в юридической лингвистике. Центральная проблема судебной фонетики — идентификация личности по голосу, с которой и началось формирование этого направления исследований.

2.1. Становление судебной фонетики

Один из первых случаев, когда в судебном разбирательстве важную роль сыграл вопрос идентификации личности по голосу, произошел в США. В 1932 г. был похищен сын Чарльза Линдберга, знаменитого американского летчика, который прославился тем, что совершил первый в истории перелет через Атлантический океан. Ч. Линдбергу поступило требование заплатить выкуп в 50 тысяч долларов. Деньги были заплачены, но сына так и не вернули. Через некоторое время был найден труп мальчика, который, как показала экспертиза, был убит через несколько часов после похищения.

Спустя некоторое время полиция задержала некого Бруно Хауптмана, чей почерк оказался похож на почерк, которым было написано требование о выкупе. Общественное возбуждение было столь велико, что возникла большая обеспокоенность в связи с тем, что власти не смогут защитить подозреваемого. Через два года во время судебного разбирательства Ч. Линдберг заявил, что он опознал голос Б. Хауптмана, который он слышал дважды до этого — один раз по телефону, в другой раз во время краткой встречи в ночной темноте. Это заявление имело большой резонанс. Б. Хауптман был признан виновным в похищении и преднамеренном убийстве и казнен на электрическом стуле.

Мало кто сомневался в верности идентификации голоса Ч. Линдбергом, кроме психолога Фрэнсис МакГихи. Последнюю заинтересовал не вопрос виновности или невиновности Б. Хауптмана (были и другие улики помимо заявления Ч. Линдберга), а возможность идентификации голоса спустя такое длительное время. Она провела несколько исследований [McGehee 1937, 1944], в которых было показано, что вероятность ошибки идентификации голоса через несколько лет после его восприятия очень высока.

В первом исследовании Фрэнсис МакГихи оратор, стоя за непрозрачным экраном, читал вслух отрывок текста из 56 слов. Слушатели (740 студентов) были разделены на 15 различных

групп, каждая из которых была предназначена для разных вариаций эксперимента. В целом процедура идентификации была простой: сначала члены каждой группы слушали голос оратора, а затем снова слушали эту же фразу, но помимо первого оратора ее зачитывали еще пять человек. Слушатели должны были записать номер оратора, которого, по их мнению, они слышали изначально.

Фрэнсис МакГихи повторяла эту процедуру через один, два и три дня, затем через одну, две, три недели и через один, три и пять месяцев (для разных временных показателей использовались разные группы испытуемых, для чего понадобилось столь большое число студентов).

Помимо временного параметра анализировалась зависимость успешной идентификации от таких факторов, как пол слушателя, наличие иностранного акцента, намеренное искажение голоса оратором и т.п. Основной же результат, полученный исследователем, — констатация факта банального забывания особенностей аудиальной информации с течением времени. 83% испытуемых верно идентифицировали голос оратора через один день после первого предъявления аудиотекста, но уже через две недели этот показатель был равен 68%, через три месяца — 35%, через пять месяцев — всего 13% [McGehee 1937]. Во втором исследовании Ф. МакГихи [McGehee 1944] процедура эксперимента была усложнена, но полученные результаты подтвердили ранние изыскания.

Во время Второй мировой войны актуальность проблемы идентификации голоса только усилилась. Среди примеров привлечения фонетистов к решению задач подобного рода — дело о заговоре немецких генералов против Адольфа Гитлера, который привел к покушению на фюрера 20 июля 1944 г. В этот день в «Волчьем логове», главной ставке А. Гитлера, находившейся в Восточной Пруссии, произошел взрыв, в результате которого погибло несколько штабных офицеров.

О попытке свержения нацистского правительства стало известно во всем мире, однако одни считали, что Гитлер погиб,

другие же больше доверяли данным министра пропаганды Йозефа Геббельса. Было ясно, что агенты стран союзников получили задание выяснить правду, но на его выполнение понадобилось бы довольно много времени.

Гитлер много лет выступал с речами, и значительное количество из них было записано и сохранено. После покушения кто-то продолжал произносить речи от имени Гитлера, но был ли это фюрер или кто-то другой, имитирующий его голос, никто среди союзников по антигитлеровской коалиции не знал. Для решения проблемы было привлечено несколько групп американских исследователей, которые могли бы проводить сравнения старых и новых записей нацистского лидера. Одна из этих групп состояла из нескольких фонетистов и инженеров, работавших в Университете Пердью (штат Индиана, США). Эту группу возглавил доктор М. Стир, под руководством которого исследователи уже не один год анализировали выступления Теодора Рузвельта, Франклина Рузвельта, Невилла Чемберлена, Бенито Муссолини и Адольфа Гитлера. Перед группой была поставлена задача определить, принадлежит ли голос человека, произносившего речи от имени Гитлера после покушения, действительно Адольфу Гитлеру.

Сложность поставленной задачи заключалась в том, что исследователи имели дело с голосом человека, который на протяжении многих лет подвергался психиатрической терапии, что не может не отразиться на голосе [Hollien 1990]. Вторая сложность была связана с низким качеством аудиозаписей того времени. Комбинируя собственно фонетические методы и технические возможности существовавшего тогда оборудования, исследователи пришли к выводу, что именно голос А. Гитлера звучит на последних аудиозаписях, что позднее подтвердили данные разведки. Эта была первая попытка комплексного анализа по идентификации голоса (в зарубежной науке это направление исследований стало обозначаться аббревиатурой SPID от словосочетания Speaker Identification and Detection).

Крупным центром, работавшим в данном направлении в 40-е годы XX в., были Лаборатории Белла (Bell Laboratories). Ученые этого исследовательского центра создали сонаграф (Sonagraph), разновидность звукового спектрографа, позволявшую представлять голосовую информацию в графическом виде. Данное изобретение инициировало разработку метода визуального анализа речи, применявшегося для идентификации по «отпечаткам голоса» (voiceprint identification) (подобно идентификации по отпечаткам пальцев) [Potter 1945; Potter et al. 1947]. В те годы подобные исследования проводились и в СССР (описанные, в частности, по воспоминаниям о спецтюрьме МВД—МГБ в романе А. Солженицына «В круге первом»).

В послевоенные десятилетия наблюдается активное применение фонетических процедур в полицейских расследованиях. Так, значительное распространение получило аудиальное опознание, на которое возлагали большие надежды, полагая, что оно столь же достоверно, как и визуальное опознание. К сожалению, работники полиции не имели достаточной квалификации, да и теоретических работ, и прикладных исследований было явно недостаточно. В результате техники аудиального опознания варьировались от участка к участку в зависимости от представлений полицейских о том, как должна происходить данная процедура. В результате такой практики стало нарастать количество ошибок и проблем, повлекших за собой критику аудиального опознания со стороны ученых [Brandt 1977; Hollien 1990; Künzel 1987; Michel 1980; Nolan 1983; Stevens 1971; Yarmey 1995].

В 1950—1960-е годы наблюдается рост преступлений, связанных с использованием телефонов, которые получали все большее распространение. Технический прогресс упростил коммуникацию между людьми, но одновременно привел к тому, что телефон стали использовать для анонимных угроз, предупреждений о заложенной бомбе и т.п., что заставило полицию искать методы борьбы с этими правонарушениями. В этой связи

правоохранителей привлекла статья бывшего ассистента из Лаборатории Белла Л. Керсты, опубликованная в журнале “Nature” [Kersta 1962]. В работе шла речь об идентификации личности по «отпечаткам голоса», которые теоретически могли бы быть столь же достоверным методом идентификации личности, как и отпечатки пальцев. Идея об «отпечатках голоса» быстро набирала популярность, но мало кто понимал, что в основе этой аналогии лежит метафора, которая формировала ложное представление о действительности. Гипотеза о том, что существуют «отпечатки голоса», оказалась неверной, но, чтобы это доказать, понадобились годы судебной практики и фонетических экспертиз. Научное опровержение идеи «отпечатков голоса» было положено в монографии Оскара Тоси, в которой была показана несостоятельность данной гипотезы с помощью серии экспериментов [Tosi 1979].

Параллельно идеи об «отпечатках голоса» в 1960-е годы проводились эксперименты по верификации степени достоверности опознания свидетелями голосов. Начало подобным опытам положила еще Ф. МакГихи в 1937 г. в связи с делом Ч. Линдберга, продемонстрировав, что два года являются слишком большим сроком для достоверного аудиального опознания. Дальнейшее развитие это направление исследований получило у П. Брикера и С. Прузански. В отличие Ф. МакГихи экспериментаторы предлагали испытуемым не текст, а несколько слогов. Как выяснилось, 98% слушателей верно идентифицировали визуально не наблюдаемых ораторов при повторной процедуре аудиальной идентификации, но уже на следующий день только 56% испытуемых смогли успешно справиться с этой задачей [Bricker, Pruzansky 1966]. Эти данные показывают, что чем короче аудиотекст, тем быстрее свидетели теряют способность к верной идентификации голоса.

Указанные экспериментальные изыскания внесли значимый вклад в становление юридической лингвистики, но самый первый случай экспертной идентификации личности по голосу произошел в суде Уинчестера в 1965 г. Экспертом выступил извест-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru